

З.В. Шевернина

О СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование способов выражения языковой модальности в монгольском языке сводится обычно к выявлению в системе глаголов двух наклонений: изъявительного и повелительно-желательного и описанию некоторых интонационных схем, главным образом повествовательных, повелительных и вопросительных предложений. В различных грамматиках и статьях можно найти разрозненные сведения о передаче отдельных модальных оттенков, однако систематизации средств выражения существующих в монгольском языке модальных значений с возможной градацией степени каждого из них, пока не имеется.

В советской монголоведной литературе принято выделять два наклонения: изъявительное и повелительно-желательное. Тем не менее вопрос о количестве наклонений в современном монгольском языке нельзя считать окончательно решенным потому, что еще нет единого мнения относительно этого: в работах русских монголистов встречаются указания и на другие наклонения [1, 84, 88], в работах же монгольских ученых можно обнаружить большее число наклонений [4, 115-116; 5, 85-88]: изъявительное, повелительное, желательное, наклонение опасения и условное. Кроме того, недостаточно исследованы финитные аналитические образования, среди которых могут быть сформировавшиеся наклонения.

Изъявительное наклонение устанавливается на основании четырех временных агглютинативных формантов, присоединяемых к основе глагола: *-в*, *-лаа*, *-жээ/-чээ* для прошедшего времени и *-на* для настоящего и будущего. Общепризнанно, что эти синтетические формы констатируют факт реализации действия в настоящем, прошедшем или будущем времени. Ими, как правило, исчерпывается приводимая в исследованиях парадигма форм изъявительного наклонения. Большинство аналитических образований, имеющих в своем составе эти временные форманты, остается за пределами рассмотрения в плане модальности. Их место в системе глагола до сих пор не определено.

Иногда в исследованиях по монгольским языкам наряду с указанными наклонениями наделяются модальными значениями или выделяются как самостоятельные наклонения формы некоторых обстоятельственных деепричастий, в частности условного и уступительного. Но, обращаясь к формам обстоятельственных деепричастий, исследователи проявляют непоследовательность: к наклонениям относят формы функционально и позиционно различные – срединные и конечные, или формы зависимой и независимой предикации. Кроме морфологического и смыслового признаков при выделении наклонений необходимо учитывать еще один, чрезвычайно важный признак – синтаксический. Сравнимые формы надо брать в одной и той же синтаксической позиции – независимого (конечного) сказуемого. Именно финитные формы глагола представляют действие в плане соответствия действительности. Следовательно, наклонения должны последовательно устанавливаться прежде всего из форм конечного сказуемого, противопоставленных по модальным значениям.

Обстоятельственные же деепричастия являются срединными формами, служащими для выражения смысловых (условных, уступительных, временных и др.) отношений между частями одного сложного предложения. Сами по себе эти деепричастия не обладают в монгольском языке ни значе-

нием времени, ни значением модальности. Так, условное деепричастие на *-бал/-вал* содержит только значение условия и может сочетаться с формами разных наклонов финитного сказуемого. Его наличие служит лишь формальным признаком условных предложений, говорит о том, что глагол в форме условного деепричастия выражает условие совершения другого действия, но не устанавливает конкретных модальных отношений между условием и следствием. Эти соотношения определяются в основном формой конечного сказуемого, а не условным деепричастием. Таким образом, условное деепричастие не следует считать формой условного наклона. По тем же основаниям нельзя признать формами особых наклонов и другие обстоятельственные деепричастия.

Но с агглютинативными суффиксами связана только часть модальных значений. Значительная часть их (как впрочем и видовых, и временных) выражается аналитически. При рассмотрении аналитических глагольных образований обращает на себя внимание тот факт, что для передачи некоторых видовых, временных и модальных значений в монгольском языке нет особых средств, а используются уже имеющиеся деепричастия и причастия, различным образом комбинирующиеся как между собой, так и с финитными формами. Выделимость и самостоятельность глагольных форм, входящих в такие аналитические образования, возможность различных сочетаний одного и того же компонента и, следовательно, участие его в передаче разных значений привели к тому, что рассмотрение аналитических форм и конструкций ограничивается только описанием составляющих их компонентов и их значений, но не охватывает грамматического значения образования как целого. Тенденция рассматривать глагольные формы исключительно под углом зрения временных значений не способствует выявлению видовых и модальных значений. В результате в монголоведных работах аналитические образования рассматриваются то как формы сложных времен, то как синтаксические словосочетания, формы составного ска-

зуемого. Попутно следует заметить, что аналитические глагольные конструкции монгольского языка сравнительно мало исследовались с точки зрения их значений и места в языке и еще меньше в плане их отношения к слову как части речи и их роли в структуре предложения. Эти сложные и важные не только для монголистики, но и в общезыковедческом отношении вопросы еще ждут своего решения.

А между тем, как показывают факты языка, некоторые из аналитических глагольных сочетаний довольно устойчивы. Можно выделить устоявшиеся аналитические формы, а также устойчивые грамматические конструкции, выражающие разные, в том числе и модальные, значения.

В данной статье будут кратко рассмотрены два сочетания со связкой, выделяющиеся среди других значением и употреблением, а именно: сочетание будущего причастия на *-x* смыслового глагола со связками: *билээ* (форма на *-x билээ*) и *сан* (форма на *-x сан*).

Эти сочетания встречаются в примерах в работах по монгольским языкам [7, 81; 1, 96, 154], но при этом, как правило, дается только одно их значение, другие же возможные грамматические значения, употребление и место этих сочетаний в системе глагола остаются неисследованными. Где и в каких значениях употребляются эти сочетания?

Связка *билээ* в современном языке представляет собой застывшую форму прошедшего времени на *-лаа/-лээ* от старописьменного глагола бытия *bükuü*. Лексическое и временное значения этой связки значительно ослабли, но вместе с тем происходит интенсивное видоизменение ее в модальном отношении.

Значение сочетания будущего причастия с *билээ* (форма *-x билээ*) не равняется сумме значений его членов (это не будущее в прошедшем), а возникает как новое из взаимодействия обоих компонентов. Комплекс *-x билээ* представляет собой семантически и грамматически неразложимое единство, аналитическую форму с самостоятельным грамматическим значением — не временным, а модальным.

Эта форма употребляется в конечном сказуемом предложениях, содержащих недоуменный вопрос, т.е. передающих удивление, сомнение говорящего относительно совершения какого-либо действия, размышление о себе, другом лице или каком-то событии. Примеры: (1) *Би энэ хоосон хөөхүүрээр юу хийх билээ?* (МА, 13) 'Что мне делать с этим пустым бурдюком?'; (2) *Эмч тэдний сэтгэлийг хэрхэн тайвшруулах билээ гэхдээ...* (Туяа, 1959, № 3, 6) '«Как же их успокоить?» – сказал врач...'; (3) *Би хүүдээ нэр өгөх ёстой...Тэгээд ямар нэр өгөх билээ гэж...* (Цог, 1961, № 5, 56) 'Я должен дать имя своему сыну... Какое же имя ему дать?'; (4) *Олон жил хамт ханилсан хатан минь юунд худал хэлэх билээ* (ААЗЭ, 9) 'Зачем бы моя жена, с которой я прожил много лет, сказала неправду?'

Подобные предложения являются вопросительными, но они выражают проблематичный вопрос, различно эмоционально и экспрессивно окрашенный, который, как правило, не требует ответа. При этом могут передаваться модальные оттенки возможности, необходимости, долженствования и др., которые конкретизируются имеющимся в предложении вопросительным словом.

Рассматриваемая форма *-х билээ* используется в предложениях, представляющих собой риторический вопрос: (5) *Бид хүүхдүүд болсон хойнодоо хуримын хишиг иднэ гэхээс өөр юу мэдэх билээ* (Туяа, 1958, № 1, 5) 'Что знали мы, дети, кроме того, что на свадьбе нам перепадут сладости? (6) *Ажилчин тариачин ард түмний тухай бичиж байгаа энэ хүн яаж баян байх билээ* (Туяа, 1960, № 20, 4) 'Разве может быть богатым человек, который пишет про простых крестьян и рабочих?'; (7) *Юу зүгээр гэж дээ. Хэн зүв зүгээр байтлаа уйлах билээ* (Цог, 1964, № 5, 15) 'Говоришь, что все хорошо. А кто же плачет, если все очень хорошо?'

В таких примерах данная форма не имеет в своем составе отрицания, но по смыслу все предложения являются отрицательными, и выражаемые модальные оттенки понимаются в негативном плане. И в этих предложениях большую роль в

дифференциации модальных оттенков возможности, необходимости играют вопросительные местоимения и наречия.

Следует отметить, что в живом разговорном языке в риторическом и проблематичном вопросах будущее причастие может заменяться многократным и настоящим причастиями. Примеры: (8) *Энэ ширүүн бороотой гүн шөнөхэн ирдэг билээ* (Цог, 1955, № 6, 14) 'Кто же это ходит в такую ненастную глужую полночь?'; (9) *Ингэхэд чи хайчих гэж яваа билээ гэж асуухад...* (СҮЗ, 3. IX. 1959) 'Ну и куда бы ты пошел [учиться]?'. В этих случаях конкретное модальное значение глагольной формы обуславливается исключительно контекстом.

Очень часто можно найти форму *-х билээ* в сложных предложениях с условным деепричастием. Как уже говорилось, наличие условного деепричастия указывает на условно-следственную связь частей сложного предложения. Анализ предложений с условным деепричастием показывает, что существует зависимость между значением нереальности отношений условия и следствия и употреблением рассматриваемой здесь формы. А именно: форма на *-х билээ* в сказуемом выражает нереальный тип условно-следственной связи, более того, форма на *-х билээ* является главным признаком значения нереальности в сложном условном предложении. Примеры: (10) *Хэрэв усанд орохдоо малгайгаа авбал хиймэл үс нь хийсч унах билээ* (Туяа, 1960, № 2, 4) 'Если бы при купании он снял фуражку, его парик свалился бы'; (11) *Намхай муу аваагүйсэн бол манай анги зуун хувийн дүнтэй гарах билээ* (Цог, 1954, № 5, 10) 'Если бы Намхай не получил плохую отметку, наш класс имел бы стопроцентную успеваемость'; (12) *Хэрэв Архангай аймаг нас гүйцсэг ба мялх малыг арчилж хамгаалхын төлөө Өмнөговь аймгийнхантай адилаар тэмцэж ажилласан байвал Архангай аймагт 135 000 малыг гарздуулахгүй байх билээ* (ИҮ, 53) 'Если бы в Архангайском аймаке работали и ухаживали за взрослым скотом и молодняком так же, как в Южнобийском, то Архангайский аймак не потерял бы 135 000 голов скота'.

Судя по собранному материалу, форма на *-х билээ* чаще всего употребляется тогда, когда речь идет о действиях, возможных, но не реализующихся в данном случае. Назначение формы на *-х билээ* – указать на то, что действие существует лишь как предполагаемое, а не как факт действительности. Поскольку реальность действия-следствия отрицается самой формой конечного сказуемого, то и действие-условие не может быть понято как реализованное, осуществленное.

Нередко главная часть сложного условного предложения представляет собой риторический вопрос, который усиливает нереальность высказанного условия. Примеры: (13) *Тэр надад сэтгэлтэй дуртай хэвээрээ байсан бол миний зөвшөөрөлгүйгээр бага хатан юунд авах билээ* (УСТ, 1946, 72) ‘Если бы он по-прежнему любил меня, разве он взял бы вторую жену без моего согласия?’; (14) *Клуб, улаан булангий ажил ихэвчлэн эрхлэгчээс шалтгаалах боловч бас идэвхтний өргөн оролцоолоогүй туслалцаагүй бол ганц эрхлэгч хичнээн ажил бүтээж амжуулах билээ дээ* (Соёл, 1960, № 2, 9) ‘Хотя работа клуба, красного уголка в большой степени зависит от заведующего, но много ли сможет сделать один заведующий без помощи и широкого участия активистов?’

Как видно, о значении формы на *-х билээ* можно говорить в соответствии с использованием ее в простых и сложных предложениях.

В простых предложениях, представляющих собой проблематичный или риторический вопросы, она выражает частные модальные оттенки, и употребление ее не связывается с обязательным указанием на факт совершения действия.

В сложных условных предложениях с формой на *-х билээ* связано выражение значения обусловленной нереальности. Здесь наиболее четко проявляется ее общее значение нереализующегося действия. Очевидно, что по своей семантике форма на *-х билээ* не может рассматриваться как форма изъявительной модальности.

Грамматическое и лексическое единство наблюдается в современном языке и в сочетании будущего причастия на -х со связкой *сан*. Появление этой формы связано с общим процессом развития причастных образований в системе финитных глагольных форм монгольского языка: отпадением связок настоящего времени, фонетической и семантической эволюцией глаголов бытия и становления, переосмыслением их в модальном отношении.

Связка *сан* восходит к причестию прошедшего времени на *-сан* глагола бытия *аху* – *агсан*. Сам глагол *аху* почти вышел из употребления, сохранив лишь некоторые свои формы. Его форма прошедшего причастия *агсан* трансформировалась и сейчас выглядит только как формант причастия – *-сан* (по традиции *сан* называется здесь связкой). У Б.Я. Владимирцова есть замечание о фонетической эволюции подобных форм [3, 419]. Несомненно, что одновременно с сокращением фонемного состава или как следствие его меняются и семантика, и свойства формы. В статье «С спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков)» Т.А. Бертагаев затронул проблемы, связанные с данной и некоторыми другими преобразованными формами и частицами (бур. *һа*, *бза*, *һан* и др.) [2, 86-100; 1, 154]. Отмечая неравномерность сочетаний указанных форм с причестиями и их различные функции при именах и глаголах, Т.А. Бертагаев называет их частицами-суффиксами. Действительно, здесь мы сталкиваемся с очень сложным и любопытным явлением, но, очевидно, *сан* все-таки нельзя окончательно и безоговорочно отнести только к частицам и рассматривать в одной группе с такими частицами монгольского языка, как *ч*, *л*, *даа*, *вэ* и др. [6, 225-232].

Различные функции *сан* в современном языке происходят от бифункциональности глаголов бытия и становления в среднемонгольском языке. Но развитие этой формы в каждой из этих функций (связочной и вспомогательной), так же как и в конкретных сочетаниях, происходит неодинаково, и поэтому в отношении подобных форм, может быть, правиль-

нее говорить о развивающейся или развившейся омонимии.

При определенной дистрибуции развитие сан идет, по всей видимости, к превращению в морфологический формант. Примером тому является рассматриваемая форма *-x сан*, где сан эволюционирует в агглютинативный формообразующий суффикс. Об этом свидетельствует почти регулярная его про-содическая несамостоятельность и изменение по гармонии гласных. Участившиеся случаи слитного написания (это будет хорошо видно в примерах ниже) также говорят о том, что эта форма все больше осознается носителями языка как одно целое. Таким образом, из аналитической форма на *-x сан* имеет тенденцию превратиться в синтетическую.

Форма на *-x сан* употребляется в конечном сказуемом при выражении желания (как осуществимого, так и неосуществимого) и пожелания. Примеры: (15) *Бор гуай, та ягаад ийм их хатуужилтай болов оо? Би тан шиг болохсон* (Туяя, 1960, № 29, 28) 'Дядя Бор, как вы стали таким закаленным? Мне бы стать таким как вы!'; (16) *Танай Мядагаас төрсон урийг авахсан гэж өвгөн бид хоёр их боддог юм* (Ц. Дамд., 165) 'Мы со стариком много думали о том, чтобы усыновить ребенка (букв. 'взять бы ребенка'), родившегося у вашей Мядар!'; (17) *Удахгүй үүр цайна, чи минь хэвтэж амрахсан даа* (Эх, 16) 'Скоро светать будет, лег бы ты, уснул!'

Такие предложения встречаются чаще всего в составе прямой речи и в структурном отношении часто характеризуются отсутствием подлежащего — местоимения.

Используется *-x сан* и при выражении предполагаемых действий: (18) *Та минь намайг хараач, таны алтан амийг аварснаар барахгүй үхэж байгаа ирвэсийн савруунд өртөгдөж нүүрийнхээ арьсыг буулгуулсан минь энэ гээд, салхи бороонд эвдэрч элэгдсэн уулын гуу мэт соривтой нүүрээ заахсан* (Туяя, 1958, № 6, 15) '«Посмотрите на меня, это для спасения вашей жизни я бросился на умирающего барса, и он разодрал мое лицо», — сказал бы он и показал бы на свое лицо, обезображенное глубоким шрамом!'

Сан может комбинироваться с именной связкой *юм* — *юмсан*, и сочетание будущего причастия с юмсан имеет те же значения, что и с *сан*: желания и предположения. Но в этом случае *сая* уже не подвергается гармонии гласных и *юмсан* никогда не пишется слитно с будущим причастием. Примеры: (19) *Цэндэгийн нимгэн улаан уруулыг олон удаа шохоорхон харж үнэсчих юмсан гэж боддог...* (Цог, 1955, № 6, 35) 'Я поглядывал на алые губы Цэндоо и думал: «Поцеловать бы их...»'; (20) *Нас минь багас цус минь шингэн-болоосой энэ их хэрэгт чинь биеэрээ явах юмсан* (П. Хор., 82) 'Будь я помоложе да покрепче, принял бы участие в этом великом деле'.

Если будущее причастие употребляется с отрицанием *игүй*, то все предложение выражает желание, чтобы данное действие не осуществилось, или же действие, которое вызывает (у говорящего) опасение. Примеры: (21) *Эмгэн хийж байгаа юмаа оролдон нөгөө таван хушуугаа хазгай оехгүй юмсан гэж хичээж байгаа бололтой...* (Туяа, 1958, № 1, 5) 'Старуха, занятая своим делом, немного помолчала, стараясь не пришить криво пятиконечную звезду...' (букв. 'стараясь как бы не пришить криво'); (22) *Би түүнийг шахахгүй юмсан гэж суудлаа байн байн засаж явлаа* (Соёл, 1960, № 2, 58) 'Я то и дело ерзал на своем сиденьи, боясь, что стесняю ее (девушку)' (букв. 'боясь как бы не нажать на нее').

Форма на *-х сан* часто употребляется в сложных условных предложениях. Можно даже сказать, что в них она успешно конкурирует с формой на *-х билээ*. Это объясняется, по-видимому, тем, что форма на *-х сан* в отличие от формы на *-х билээ* имеет более широкий круг значений, передающих не-реальность: она может выражать как действия, заведомо противоречащие действительности, а потому являющиеся неосуществимыми, невозможными, так и действия, в действительности возможные, но не реализованные в данных условиях. Примеры: (23) *Аав минь одоо хүртэл амьд явсан бол яг л Лувсан гуай шиг...өвгөн байх сан* (УЗЦ, 1956, 52) 'Если бы мой отец был жив сейчас, он был бы такой же старик, как

Лувсан-гуай'; (24) *Бас хүүгээ сайн малч ажилч болгон хүмүүжүүлбэл эцэстээ төрд тустай түмэнд ашигтай хүн болох сан гэж санана* (Д. Цэв., 63) 'Если бы воспитать своего сына хорошим тружеником-скотоводом, он стал бы полезным для народа, для государства человеком'. Наличие этих форм в финитном сказуемом есть важнейший формальный признак условного предложения нереального типа. Таким образом формы на *-х билээ* и на *-х сан* выступают как специальные обязательные средства выражения нереальности.

В условных предложениях вариантом формы *-х сан* часто выступает форма *-х байсан*. Морфологическое изменение не влечет за собой никаких грамматических различий. Иногда в контексте у формы на *-х байсан* может сильнее ощущаться оттенок долженствования. Примеры: (25) *Таныг байгаагүй бол энэ маань шингэж үхэх байсан шуу* (Шог, 1946, 43) 'Если бы не вы, она ведь утонула бы'; (26) *Тариа хэрэв хэлтэйсэн бол ингэж хэлэх байсан гэж бодлоо би* (УЗУ, 4. IX. 1970) 'Если бы зерно умело говорить, оно сказало бы так...'

Как видно, форма на *-х сан/юмсан* в простых предложениях употребляется со значением желания, пожелания, предположения, опасения; в условных предложениях *-х сан/байсан* используется при передаче нереальности отношений условия-следствия. Вполне очевидно, что все эти значения выводят форму *-х сан* за пределы изъявительного наклонения.

Можно отметить важную структурную особенность условных предложений с формами *-х билээ* и *-х сан* в качестве финитных. Употребление этих форм в аподозисе обуславливает, как правило, употребление прошедшего причастия в протазисе независимо от времени предполагаемых действий (см. примеры 12, 13, 21, 26).

Отсутствие строгой временной отнесенности — отличительный признак не только сложных предложений нереального типа, но и простых предложений с формами на *-х билээ*, *-х сан*. Временной план таких предложений выявляется из кон-

текста. Это связано с временной индифферентностью самих форм (выражаемое ими действие может относиться к любому временному плану), которая в свою очередь обуславливается, по-видимому, значением нереальности, присущим этим формам.

Но иногда в прямой речи произведений, язык которых близок разговорному, в том случае, когда высказываемое условие относится непосредственно к моменту сообщения или к настоящему времени, прошедшее причастие в деепричастном обороте может заменяться настоящим. Тогда временной план всего предложения уточняется благодаря именно этому причастию. Примеры: (27) *Ойрхон байгаа бол надад туслах сан* (П. Хор., 97) 'Если он был близко [сейчас], он помог бы мне'; (28) *...хэрэв Бадарчтайгаа хамт ажиллаж байгаа бол улам илүү амжилттай сайн нэр дуулах сан гэж...* (Туяа, 1958, № 5, 13) '...Если бы работали [сейчас] вместе с Бадарчи, успехи были бы еще лучше, прославились бы'.

Итак, в случаях сочетаний будущего причастия с *билээ* и *сан* (*юмсан*, *байсан*) образуются морфологические формы, предназначенные для выражения различных модальных оттенков действия: размышления, недоумения, волюнтаривности, кондиционалиса. Эти аналитические формы характеризуются тем, что сообщают о действии безотносительно к факту его осуществления. Различаясь в выражении частных модальных значений, они объединяются общим инвариантным значением — отсутствием прямого соответствия содержания высказываемого действительности.

Единство морфологического и семантического признаков дает основания говорить о существовании в современном монгольском языке еще одного сформировавшегося наклонения. Таким образом, формы на *-х билээ*, *-х сан* (*юмсан*, *байсан*) можно выделить из числа финитных глагольных форм в самостоятельное наклонение, которое мы здесь называем согласательным.

Литература

1. Бертагаев Т.А., Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение, М., 1964.
2. Бертагаев Т.А., О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков), – сб. «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961.
3. Владимирцов Б.Я., Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929.
4. Лувсанвандан Ш., Дэмчигдорж Б., Монгол хэлний зүй, д. 1, Улаанбаатар, 1951.
5. Лувсанвандан Ш., Монгол хэлний зүйн сурах бичиг, тэргүүн дэвтэр, Улаанбаатар, 1956.
6. Орчин цагийн монгол хэл зүй, Улаанбаатар, 1966.
7. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол, М., 1963.

Условные сокращения

- ААЗЭ – Ардын аман зохиолын эмхэтгэл, Улаанбаатар, 1956.
Д.Цэв. – Д.Цэвэгмид, Зохиолын түүвэр, Улаанбаатар, 1956.
ИҮ – Мал ба хөдөө аж ахуйн сайчуулын гуравдугаар зөвлөлгөө дээр хийсэн илтгэл ба үгнүүд, Улаанбаатар, 1948.
МА – Монгол ардын үлгэр, Улаанбаатар, 1957.
П.Хор. – П.Хорлоо, Түүвэр зохиол, Улаанбаатар, 1948.
Соёл – Журн. «Соёл».
СУЗ – Газ. «Соёл утга зохиол».
Туяа – Журн. «Туяа».
Ц.Дамд.–Ц.Дамдинсүрэн, Түүвэр зохиол, Улаанбаатар, 1956.
УЗУ – Газ. «Утга зохиол урлаг».
УЗЦ – Уран зохиолын цоморлиг, Улаанбаатар.
УСТ – Уран сайханчуудад тусламж, Улаанбаатар.
Цог – Журн. «Цог».
Эх – М.Горький, Эх, Улаанбаатар, 1952.